

ГУВЕРНЕРЫ В ЖИЗНИ И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Гувернеры в семье Толстых

В доме Толстых дети росли окруженные целой армией русских и иностранных гувернеров, гувернанток, наставников, учителей и воспитателей. Многие из них лишь упомянуты в дневниках, письмах или воспоминаниях членов семьи, например, «англичанка мисс Кэрри, француженка Анна Филипс»¹, «новая англичанка *miss Fewson*»², швейцарка *m-lle Kothing*³ и др. Какие-то из них остались в мемуарной литературе под прозвищами, придуманными им воспитанниками. Например, старшие дети Толстого называли *m-lle Guillot* – «мадемуазель Гниль»⁴, а гувернантку мисс Гибсон (*Gibson*), жившую в 1885 г. в московском доме Толстых, дети за ее величественную осанку прозвали «Великой Княгиней»⁵.

Некоторые сыграли важную роль в воспитании подрастающего поколения в семье Толстых, как, например, любимая детьми англичанка Ханна Тарсей⁶, полугувернантка-полубонна, «всегда ровная, добрая и веселая», или сменившая ее «краснощекая, молоденькая» англичанка Дора Хельер⁷. Другие просто оставили о себе хорошие воспоминания. В 1874 г. у Толстых жил гувернер, немец Федор Федорович Кауфман, рекомендованный Афанасием Фетом. Л.Н. Толстому он очень понравился⁸. Сын же писателя Сергей запомнил Кауфмана как «малообразованного, но порядочного и добродушного человека лет тридцати пяти.

* Алла Николаевна Полосина, кандидат филологических наук, старший науч. сотрудник отдела научно-исследовательской работы Государственного музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

¹ Анна Филипс – гувернантка в доме Толстых с 1875 г.

² Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 115.

³ Там же. С. 382.

⁴ См.: Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1975. С. 127.

⁵ Толстая А. Отец: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 25.

⁶ Ханна Терсей (Tarsey), по мужу Мачутадзе, родилась около 1845 г., служила у Толстых в 1866–1872 гг.

⁷ Дора Хельер (Helleeyer), родилась в 1853 г., служила у Толстых в 1872–1873 гг.

⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958. Т. 61. С. 311.

Он носил парик, что тщательно, но тщетно скрывал»⁹. Вскоре его сманили в управляющие, и он покинул Ясную Поляну. Л.Н. Толстой счел, что это «потеря небольшая, так как Сережа перерос его»¹⁰.

У некоторых наставников с педагогической деятельностью не все шло гладко. В 1875–1878 гг. гувернером сыновей Толстого – Сергея, Ильи и Льва – был швейцарец Жюль Рей (Rey), сменивший Кауфмана. В своих мемуарах Илья Толстой писал, что Рей «уже окончательно сделал из него ненавистника учения», и вспоминал о нем как о «грубом и тупом» человеке¹¹. Сергей разделял мнение брата, считая, что Рей испортил ему два года жизни. Между тем Рей нравился самому писателю: «М-г Rey очень <...> хорош и как учитель и как воспитатель»¹². Л.Н. Толстой запрещал бить своих детей, и Рей в наказание их «ставил в угол, заставлял зубрить или переписывать латынь и т.п.»¹³. Но все же ему пришлось отказать «за то, что он завел амуры с Анни»¹⁴.

Гувернер старших сыновей Толстого, участник Парижской коммуны замечательный человек и педагог Жюль Монтельс (1843–1916) жил под псевдонимом Эжен Ньеф (Nieff) в Ясной Поляне в 1878–1880 гг. и считался другом семьи. Он преподавал Сергею, Илье и Льву французскую литературу, латинский и греческий языки. Л.Н. Толстой писал брату Сергею Толстому 7 февраля 1878 г.: «У нас теперь *Nieff*, швейцарец из Франции, <...> мы им очень довольны»¹⁵. Отец, как пишет в воспоминаниях Лев Львович Толстой, «очень любил М. Ньефа и они часто говорили о Франции, французской истории и литературе. Никогда ни одна тень не промелькнула между этим бравым человеком и моими родителями»¹⁶. Сергею Толстому новый гувернер тоже понравился: «Он совсем другой, чем **м. Рей**: он гораздо добрей и больше делает замечаний, чем дает наказаний. Он редко сердится и почти хладнокровен в отношениях с нами. <...> Его все любят, потому что он такой милый и откровенный, не такой как **м. Рей**»¹⁷. Дети Толстого были заинтригованы его революционным прошлым и отношениями с Люси Гаше¹⁸, учительницей французского языка у старших дочерей Толсто-

⁹ Толстой С.Л. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 62. 108.

¹¹ Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 2000. С. 97.

¹² Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 62. С. 198–199.

¹³ См.: Толстой С.Л. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Там же. Т. 83. С. 223.

¹⁵ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 62. С. 430.

¹⁶ Толстой Л.Л. Правда о моем отце. Л., 1924. С. 48.

¹⁷ Толстой С.Л. Указ. соч. С. 418.

¹⁸ Люси Гаше (Gachet) – гувернантка Т.Л. Толстой, жила в Ясной Поляне в 1876–1879 гг. Ум. в 1897 г. в Тунисе.

го. В Ясной Поляне Люси Гаше и Эжен Ньеф нашли свое счастье. Они участвовали во всех семейных событиях, ходили на охоту вместе с Толстым и его детьми. Вечерами Ньеф читал вслух по-французски «Трех мушкетеров» А. Дюма, пропуская «неподходящие» для детей места. Он сопровождал Толстого в поездке через Нижний Новгород и Самару в башкирские степи¹⁹. Подробности этого путешествия с описанием приволжских городов Монтельс сообщил в своих воспоминаниях «Шесть недель у башкир». Он оставил и воспоминания «Три года в Ясной Поляне». В 1879 г. бывшие коммунары были амнистированы, и в 1880 г. Монтельс уехал вместе с Л. Гаше в Париж, где женился на ней.

А вот губернантка Анна Сейрон²⁰ своими фрагментарными и во многом недостоверными воспоминаниями огорчила Л.Н. Толстого. Она жила в Ясной Поляне вместе со своим сыном-подростком Альсидом, учившемся в Лазаревском институте восточных языков, с 1882 по 1888 г. По свидетельству С.Л. Толстого, эту «представительную, пожилую француженку» (на самом деле – немку) дети называли «герцогиней»²¹. В 1884 г. она помогала писателю редактировать перевод С. Бер трактата «В чем моя вера?» на немецкий язык, о чем упоминает и сам Л.Н. Толстой: «Утро работал над переводом с M-me Seuron»²². В 1895 г. ее воспоминания вышли на немецком языке, а затем были переведены на русский²³. По мнению Толстого, книга Сейрон «кишит ошибками»²⁴. В 1895 г. он получил «газету с статьей о клеветах и глупостях книжки Seuron» и огорчился, «но немного». Однако опровергать ничего не стал, несмотря на предложение журналиста. В дневнике он объяснил почему: «Да я о себе ничего не утверждал, поэтому нечего мне опровергать. Я такой, какой есть. А какой я, это знаю я и Бог»²⁵.

В 1889 г. губернатором младших детей Толстого был добрый швейцарец Э.К. Гольцапфель, приверженец религиозно-филантропической организации Армия спасения. С ним писатель часто беседовал о религии. В 1890–1891 гг. у Толстых жил Эдуар Борель, губернатор младших детей Андрея и Миши Толстых. Из дневников Софьи Толстой известно, что он вызывал у нее недоверие: «У [Миши] с Андриюшей завелись

¹⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 62. С. 432.

²⁰ Анна Сейрон (Seuron), рожд. Вебер (1845–1922), уроженка Баден-Бадена.

²¹ Толстой С.Л. Указ. соч. С. 163.

²² Там же. Т. 49. С. 113.

²³ Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben von Anna Seuron. Berlin, 1895; Сейрон А. Шесть лет в доме Льва Николаевича Толстого: Записки. СПб., 1895; Она же. Граф Лев Толстой. СПб., 1896.

²⁴ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 69. С. 53.

²⁵ Там же. Т. 53. С. 33.

секреты, и меня это страшно беспокоит. Не развратил бы их Vogel»²⁶. Объяснением этих страхов могут служить мысли Л.Н. Толстого, записанные в дневнике после его разговоров с Борелем: «Он пессимист, l'humanité est mauvaise [человеческий род зол] и т.д., и от этого можно жить кое-как, особо не считая себя нравственным»²⁷.

В 1893 г. младшая дочь Саша Толстая воспитывалась мадемуазель Детра (*Detras*), «нервной гувернанткой-швейцаркой, с худым лицом и громадным, горбатым носом с лиловыми прожилками и толстым задом», которую она изводила своим непослушанием, невнимательностью и вечным стремлением в сад; осенью и весной бегала по саду с соседними мальчишками и собаками, а зимой стремилась на каток»²⁸. Саша была трудным ребенком. Гувернантки и старшие сестры занимались с нею больше, чем мать. Отец в ее детстве тоже мало с ней общался. Она огорчала мать своим отчуждением, грубостью, непослушанием гувернанткам, которые все время менялись. Чинно гулять по улице, как все благовоспитанные девочки, и говорить с *mademoiselle Detras* по-французски было для нее величайшей мукой²⁹.

С Сашей своей добротой и мягкостью могла справиться только англичанка мисс Вельш, учительница музыки. Но она приезжала в Ясную Поляну лишь на лето, у нее в Москве была музыкальная школа³⁰. Московские гувернантки отказывались воспитывать Сашу из-за ее плохой репутации. По Москве прошел слух о непокорном ребенке из хамовнической усадьбы, и когда в конторе по найму они узнавали, к кому их приглашают, то неизменно отвечали отказом. В 1897–1898 гг. гувернанткой Саши Толстой была немецкоязычная швейцарка мадемуазель Обер (*Aubert*), с которой девочка тоже не смогла поладить³¹. Саша, как писала ее мать мужу, «эти дни изводила няню и *Mademoiselle [Aubert]*, и сегодня я очень строго к ней отнеслась, после чего она стала лучше»³². Сложность положения новой гувернантки не укрылась от глаз Л.Н. Толстого: «Вчера, сидя за обедом, слушая эти разговоры без единого живого слова, с невеселыми шутками и недобротой друг к другу, эти бессвязные монологи, я взглянул на *m-lle Aubert* и почувствовал, что мы с ней одинаково лишни и нам одинаково неловко»³³.

²⁶ Толстая С.А. Указ. соч. Т. 1. С. 157.

²⁷ Толстой Л.Н. Т. 51. С. 107.

²⁸ Толстая А. Указ. соч. Т. 2. С. 156.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Т. 2. С. 270.

³¹ См.: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. М., 1936. С. 627; Она же. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 314, 380.

³² Толстая С.А. Письма к Л. Н. Толстому. С. 672.

³³ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 70. С. 16.

Среди губернеров внуков Л.Н. Толстого, детей Сергея Львовича, наиболее известен француз-швейцарец, Морис Кюэс, автор воспоминаний о писателе³⁴.

Таков неполный перечень губернеров и губернанток, живших у Толстых в Ясной Поляне или в Москве.

Губернер Проспер Сен-Тома и его жизнь в России

Из всей этой армии наставников, педагогов и воспитателей, служивших в семье графов Толстых, только немец Федор Иванович Рёссель и француз Проспер Сен-Тома, губернеры Льва Толстого, остались в сотворенном им «урагане образов» (В. Набоков). Они стали прототипами героев трилогии «Детство. Отрочество. Юность», соответственно Карла Ивановича Мауера и Сен-Жерома.

О Рёсселе фактически известно лишь то, что маленький Лев перешел под его надзор в 1833 г. Остальные же сведения о нем нам приходится черпать из «Детства», вариантов «Юности», романа «Анна Каренина» (эпизодической образ Федора Богдановича – губернера Левина) и из «Воспоминаний».

Напротив, жизненный путь Сен-Тома достаточно подробно отражен в материалах российских и французских архивов и в его собственных воспоминаниях.

Проспер Шарль Антуан Тома родился 25 декабря 1812 г. в Эпинале (департамент Вогезы)³⁵. Его отец, Антуан Жорж Тома, унтер-офицер в отставке и кавалер ордена Почетного легиона³⁶ участвовал в Наполеоновских войнах. В первоначальной редакции главы «Учитель француз» Толстой пишет, что отец Сен-Жерома был «старый, бедный наполеоновский солдат»³⁷.

В 1826–1831 гг. Тома учился в коллеже, основанном в XVIII в., где преподавали древние (греческий и латинский) и современные (французский и английский) языки, основы истории и естественных наук³⁸. В 1828 г. ученик риторического класса Проспер Тома получил на торжественной церемонии похвальную грамоту за хорошие успехи в учебе. Ему досталась вторая премия по переводу с французского языка,

³⁴ Морис Кюэс (1890–1859), прожил в России около десяти лет. Вернулся на родину после Октябрьской революции. Автор воспоминаний о Толстом: *Kues M. Tolstoi vivant : Notes et souvenirs*. Genève, 1945.

³⁵ Сен-Тома – С.Н. Толстому ОР ГМТ (Гос. музей Л.Н. Толстого в Москве).

³⁶ ADV (Archives départementales des Vosges).

³⁷ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 249.

³⁸ La Révolution dans les Vosges // Revue d'histoire moderne. Epinal, 1939. P. 3–4.

вторая премия за перевод с латыни и похвальная грамота по истории³⁹. В 1831 г. он получил диплом учителя иностранных языков. В паспорте, выданном ему в Гавре в 1842 г. после возвращения из России, в графе «Профессия» написано: «Учитель иностранных языков»⁴⁰. В вариантах «Отрочества» Толстой пишет о нем: «Он был добрый, откровенный, тщеславный, веселый и не глупый француз». Из других вариантов главы «Отрочества» мы узнаем, что Тома отнюдь «не был невеждой и шарлатаном» и имел «очень основательные познания латинского языка и французской литературы»⁴¹.

Летом 1835 г. Тома приехал в Россию. Получая паспорт в Петербурге, он сменил свою фамилию на Сен-Тома. Дата приезда и сведения о его жизни домосковского периода устанавливаются по его «Воспоминаниям о России». Он пишет, что 12 декабря 1835 г. мчался на почтовых лошадях с рекомендательными письмами в Киев, где «получил место секретаря графа Левашова»⁴², генерал-губернатора Киевской губернии: «Некоторая опасность ехать в это время года была, но погода до сих пор держалась теплая <...> и разве мне не было двадцать три года?»⁴³ В Киеве Сен-Тома прожил около года и, вероятно, после увольнения В.В. Левашова в декабре 1836 г., уехал в Москву⁴⁴, где стал гувернером Владимира Милютина, товарища мальчигов Толстых.

О жизни Сен-Тома в Москве и Ясной Поляне известно из первых биографий Толстого, написанных П. Бирюковым и Н. Гусевым, из его переписки с Толстыми и Милютиными, из воспоминаний генерал-адъютанта Дм. Милютина. В ОР ГМТ сохранилась переписка Сен-Тома с бабкой писателя графиней Пелагеей Толстой, тетками – Татьяной Ергольской и Александрой Остен-Сакен и со всеми детьми Толстых. К сожалению, все письма Льва к Сен-Тома, написанные из Ясной Поляны в марте 1839 г. – самые ранние из всех писем Толстого, – не сохранились. К несчастью, именно об этом периоде, о детстве и отрочестве писателя, имеется меньше всего свидетельств. Дм. Милютин, старший брат Владимира Милютина, военный министр в эпоху Александра II, пишет, что «в течение 1836 года, после перемены нескольких преподавателей, удалось, наконец, приставить» к Владимиру «в качестве гу-

³⁹ ADV. 13 T 3. Collèges. Correspondances. Epinal. 1815–1848. Пагинация отсутствует.

⁴⁰ Ibid. 16 M. 4. Passeports. Epinal. 1842. Пагинация отсутствует.

⁴¹ Там же. Т. 2. С. 249.

⁴² *Левашев В.В.* (1783–1848) – граф, генерал, член Верховного уголовного суда по делу декабристов, председатель Гос. совета и комитета министров генерал-губернатор Киевской губернии.

⁴³ *Thomas P.* Souvenirs de Russie. Epinal, 1844. P. 48.

⁴⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1914. Лабзина-Лященко. С. 122.

вернера, весьма порядочного и образованного молодого француза, Mr St. Thomas, который обучал французскому, английскому и латинскому языкам»⁴⁵. В 1837–1838 гг. в доме Милютиных возникли новые заботы в связи с воспитанием Владимира, так как «живший в доме гувернер St. Thomas, пользовавшийся полным доверием» со стороны родителей Милютиных, «нашел себе более выгодное место и в июле месяце оставил [их]», но остался при Владимире приходящим учителем французского языка⁴⁶. «Более выгодное место» он нашел у Толстых.

Проспер Сен-Тома был рекомендован Николаю Толстому, отцу писателя, его троюродной сестрой С.Д. Лаптевой (рожд. Горчаковой). Сначала он преподавал старшим мальчикам французский язык только как приходящий учитель. Бабушка Пелагея Толстая, имевшая пристрастие ко всему французскому, находила, что Сен-Тома «очень мил». Впрочем, произвел он хорошее впечатление и на прочих членов семьи. Например, Татьяна Ергольская испытывала к нему благодарность за успешные занятия со старшим братом Толстого Николаем. Л.Н. Толстой в конспекте своих «Воспоминаний» также признался, что он испытывал одно время «увлечение культурностью и аккуратностью Сен-Тома»⁴⁷. После смерти отца Николая Толстого встал вопрос, кому поручить руководство воспитанием и обучением малолетних детей. Бабушка пригласила Сен-Тома поселиться у Толстых в качестве постоянного гувернера мальчиков. Он согласился. Ежедневно, кроме праздников, он занимался с Николаем и Сергеем латинским и французскими языками. После уроков проверял приготовленные уроки, следил за прилежанием, дополнительно объяснял задания и проводил упражнения в чтении. В условиях обговаривалось также, что он никогда не будет прибегать к телесным наказаниям. С появлением Сен-Тома классная комната приняла другой вид, она стала «чище, шеголеватее и аккуратнее»⁴⁸. По инициативе Сен-Тома, «виновника всех перемен», мальчики Толстые, кроме общеобразовательных предметов, обучались верховой езде в манеже. Это было обычным делом в аристократических семьях, и Сен-Тома следовал традиции. Одновременно, в 1840–1841 гг., он преподавал французский язык в Московской 1-й гимназии, которая помещалась напротив строившегося тогда храма Христа Спасителя. Из вариантов «Отрочества» нам известно, что Сен-Тома «давал уроки в лучших домах Москвы»⁴⁹.

⁴⁵ Милютин Д.А. Воспоминания. Томск, 1919. С. 133.

⁴⁶ Там же. С. 148.

⁴⁷ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 34. С. 401.

⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 246–247.

⁴⁹ Там же. С. 250.

Осенью 1837 г. начались его занятия со старшими братьями Толстыми, а в начале 1838 г. – с Дмитрием и Львом. В 1838 г. Татьяна Ергольская вместе с Сен-Тома и младшими детьми из Ясной Поляны совершила поездку в Пирогово. Толстой вспомнит об этом в старости: «Отъезд в деревню. Пирогово, впечатления нового имения, чудных лошадей, охоты с Сен-Тома»⁵⁰. Летом 1840 г. старшие братья Толстого и А. Остен-Сакен приезжали в Ясную Поляну вместе с Сен-Тома по приглашению Т. Ергольской. В ноябре 1841 г. дети Толстые переехали в Казань к опекунке П. Юшковой.

Не исключено, что благодаря занятиям французским языком с гувернером Сен-Тома Лев Толстой в Казанском университете имел по французскому 5+⁵¹. Впоследствии, как отмечали современники, французский язык ему был так привычен, что даже иногда он думал по-французски⁵². То, что Толстой был «превосходный знаток французского языка», подтверждает учитель старших детей в доме Толстых Владимир Лазурский: «Monsieur (гувернер детей Толстого Ж. Монтельс) говорит, что любит очень с ним разговаривать, так как граф употребляет настоящие французские выражения»⁵³. И ту «свободу и простоту движений», которая поразила Николеньку в «человеке очень большого света», князе Иване Ивановиче, а впоследствии отличала самого Толстого, в детстве очень застенчивого и не уверенного в себе из-за своей внешности, он мог перенять от гувернера.

Биографы писателя долгое время не имели сведений о дальнейшей судьбе Сен-Тома, который после отъезда Толстых остался в Москве. На самом деле уже 2 января 1842 г. Сен-Тома вслед за детьми отправился в Казань, о которой давно мечтал. Он строил планы «служить преподавателем Казанского университета»⁵⁴. Весной 1842 г. после спада наводнения на Волге и реке Казанке, дважды переболев эндемической лихорадкой, он вернулся во Францию⁵⁵.

Когда Сен-Тома во Франции писал и издавал свои «Воспоминания о России» (1843–1844), Толстой учился на факультете «арабско-турецкой словесности» (1843). О Казанском университете, пользовавшемся в ту пору «известностью во всем мире», автор пишет с симпатией, в особенности о «блестящем состоянии ориенталистики» на восточном

⁵⁰ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 34. С. 401.

⁵¹ Бирюков П.И. Указ. соч. Т. 1. С. 50.

⁵² Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 83.

⁵³ Лазурский В.Ф. Дневник// Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1878. Т. 2. С. 51.

⁵⁴ Thomas P. Souvenirs de Russie. P. 80.

⁵⁵ Эти сведения почерпнуты из «Воспоминания о России» Сен-Тома.

факультете⁵⁶. Рассказывая, как готовят дипломатов на восточном факультете Казанского университета, Сен-Тома высоко оценивал «ловкость и прозорливость гениальной внешней политики России. Пусть больше никто не удивляется, почему русская дипломатия является самой искусной в Европе»⁵⁷.

В 1848 г. Сен-Тома участвовал в революции во Франции. Убежденный демократ, он издал в Париже трактат «Катехизис свободного человека»⁵⁸. Толстой в эти годы был далек от революций и целиком погрузился в увлечение музыкой, жил или в Москве или в Ясной Поляне «без службы, без занятий, без цели»⁵⁹.

В 1852 г. Сен-Тома закончил юридический факультет в Страсбурге. После защиты диссертации по гражданскому праву⁶⁰ служил адвокатом. Толстой в это время получал свои первые лавры за повесть «Детство» в виде высоких оценок редакторов «Современника» и русской критики. В 1871–1874 и 1876–1878 гг. Тома избирался мэром Ремиремона. В 1880 г. был назначен мировым судьей. Это произошло за несколько месяцев до его внезапной смерти в возрасте 68 лет. Из акта о смерти известно, что «4 февраля в 1881 г-н Шарль Антуан Проспер Тома, <...> мировой судья, бывший мэр города, бывший генеральный советник департамента Вогезы, офицер академии, <...> умер в час ночи у себя дома»⁶¹.

В «Воспоминаниях о России» Сен-Тома пишет, что поехал в Россию, когда его одолела страсть к путешествиям⁶². Толстой же не исключает прагматические причины. Так, в первоначальной редакции «Отрочества» он замечает: «Проспер Антонович был в полной уверенности, что судьба не даром заманила его в Россию, что он никак не уедет из России <...> искателем пропитания; а <...> рано или поздно должна подвернуться какая-нибудь графиня или княгиня, которая пленится его любезностью и дырочкой на подбородке и предложит ему сердце и рубли <...> и даже рабов. Поэтому Проспер Антонович на всякий случай все свои доходы (которые были значительны, потому что он давал уроки в лучших домах Москвы по 10 р.), употреблял на жилеты, панталоны, цепочки, шляпы и т. д. и был особенно любезен со всем женским

⁵⁶ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. С. 160.

⁵⁷ Thomas P. Souvenirs de Russie. P. 99.

⁵⁸ Thomas P. Catéchisme de l'homme libre. P., 1848.

⁵⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 46. С. 36.

⁶⁰ Thomas P. Académie de Strasbourg: Acte public pour la licence... soutenu... par Prosper Thomas. Strasbourg: impr. De G. Silbermann, 1853. 41 p.

⁶¹ ADV 5 Mi 390/R 21.

⁶² Thomas P. Souvenirs de Russie. P. 48.

полом. Нельзя же ему было знать наверняка, которая именно была его Графиня с рублями и рабами. Много было вещей, о которых, хотя он уже пять лет жил в России, имел самые темные понятия – кнут, козак, дорога по льду, крепостные люди и т.п.»⁶³. О наказаниях кнутом, замерзшей Волге и казаках он не раз упоминает в своих воспоминаниях. Не следуя общепринятому мнению французов о том, что русские «все – казаки», он объясняет просвещенным французским читателям разницу между запорожскими казаками и казаками: «Не стоит путать запорожских казаков с башкирами, киргизами, этими отвратительными всадниками с колчанами, один вид которых в 1813 году заставил нас слово “казак” сделать синонимом слова дикий»⁶⁴.

В первоначальной редакции первой главы «Отрочества» Толстой писал, что он, «приехав в Россию, принялся серьезно заниматься русским языком и через год говорил очень порядочно»⁶⁵. Сам Сен-Тома высоко оценил способности русских к иностранным языкам: «В России мало дворян посредственно образованных, не говорящих на двух или трех языках и на всех с удивительной чистотой»⁶⁶.

Сен-Тома покинул Россию летом 1842 г., и все о нем основательно забыли, кроме Толстого. Его «Воспоминания о России» написаны в жанре «путевых записок». В них нет упоминаний о Толстых вообще. Политические, природные, религиозные впечатления от поездок в Петербург, Могилев, Киев и жизни в Москве и Казани переплелись с историческими реминисценциями. Мог ли Тома читать сочинения Толстого на французском языке или на русском языке, который хорошо знал? Первый перевод на французский язык рассказа «Севастополь в декабре» появился в 1855 г. во французской газете *Le Nord*, выходившей в Брюсселе. «Детство» в переводе с английского было напечатано в *Revue des deux mondes* (т. 43, 1863). В 1866 г. этот же перевод вошел в сборник *Scènes de la vie aristocratique en Angleterre et en Russie*. «Семейное счастье» вышло отдельным изданием в 1877 г. «Война и мир» в сокращенном виде печаталась в *Revue britannique* в 1879 г. и в полном переводе в 1879 г. В 1886–1887 гг. одновременно три знаменитых парижских издательства выпустили трилогию Толстого: Hachette⁶⁷, J. Hetzel⁶⁸

⁶³ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 249–250.

⁶⁴ Thomas P. Souvenirs de Russie. P. 76.

⁶⁵ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 249.

⁶⁶ Thomas P. Souvenirs de Russie. P. 36.

⁶⁷ Tolstoï L. Souvenirs: Enfance, adolescence, jeunesse / Ouvrage traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur par Arvède Barine. P., 1887. 309 p.

⁶⁸ Этцель, Пьер Жюль (1814–1886), французский писатель, издатель и политический деятель. Издал на французском языке почти все произведения И.С. Тургенева, написанные пол-

(«Детство» и «Отрочество»)⁶⁹ и издательство Perrin⁷⁰. Громкая известность во Франции пришла к Толстому, когда Сен-Тома уже не было в живых. Вспоминал ли Проспер Тома о своем ученике Льве Толстом так же часто, как тот о нем? Не исключено, что вспоминал, если своего единственного сына он назвал Леоном, так же как звали русского мальчика из России, которого он учил французскому языку.

Лев Толстой, его окружение и его биографы о Сен-Тома

Л.Н. Толстой помнил Сен-Тома до глубокой старости. «Это был прекрасный человек, <...> который в совершенстве владел латынью и очень хорошо умел ее преподавать»⁷¹, – говорил он французскому писателю Ж. Легра в 1894 г. Но этой оценке позднего Толстого предшествовало совсем иное восприятие бывшего наставника.

Одним из первых упоминаний о Сен-Тома после его отъезда из России в 1842 г. стала запись Толстого в дневнике во время первого заграничного путешествия. Это было в Женеве 19 июня 1857 г.: «Обед; француз St-Thomas»⁷². Что может означать эта запись? Не напомнил ли ему в ресторане чей-то облик Сен-Тома? В ту пору Сен-Тома жил и работал в Ремиремоне, относительно недалеко от Женевы. В сентябре 1894 г. Толстой обратился с просьбой к Жюлю Легра разузнать о судьбе «старика Сен-Тома» во Франции. Легра исполнил просьбу писателя. Но поиски «старика француза» оказались безуспешными⁷³.

В 1903 г., составляя конспект «Воспоминаний» и руководствуясь пушкинским правилом «наставникам, <...> не помня зла, за благо воздадим»⁷⁴, Толстой планировал посвятить Сен-Тома целую главу. К сожалению, этот замысел не был осуществлен. В 1900-х гг. Толстой не раз вспоминал о своем французском гувернере. Так, 18 июня 1905 г., как пишет в «Яснополянских записках» доктор Д.П. Маковицкий, беседуя с сестрой «Марией Николаевной и Бирюковым за круглым столом вечером, Л.Н. старался установить, где они (Толстые. – А.П.) бывали в 1837–1842 гг., и <...> вспоминал своих учителей: Федора Ивановича

сле 1861 г. Его сын Луи Жюль Этцель (род. в 1847) был сотрудником, а после смерти отца главой издательства.

⁶⁹ Ашкинази Михаил Осипович, (1851–1914), переводчик русских писателей на французский язык. С 1887 г. жил в Париже. Переводил Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина и др. Сотрудничал в Temps и в «Одесском листке».

⁷⁰ Перевод И.Д. Гальперина-Каминского. См.: Художественные произведения Л.Н. Толстого в переводах на иностранные языки: Отдельные издания: Библиография. М., 1961. С. 235.

⁷¹ Легра Ж. Несколько посещений Толстого // Л.Н. Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 17.

⁷² Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 47. С. 138

⁷³ Чистякова М. Лев Толстой и Франция // Л. Н. М., 1937. № 31–32. С. 1024.

⁷⁴ Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С.357.

ча, Сен-Тома и Поплонского»⁷⁵. 24 марта 1909 г. Маковицкий записал во время разговора о воспитании с Михаилом Сухотиным по поводу Федора (Дорика) Сухотина такие слова Толстого: «Как это ни отвратительно про себя говорить, учился я плохо. Сен-Тома, гувернер, про меня говорил: “Сергей и хочет и может, Дмитрий хочет, но не может, а Лев – и не хочет и не может учиться”»⁷⁶. В беседе с Андре Мазоном 20 апреля 1909 г. Толстой выказал свое удивление, как правильно тот говорит по-русски: «Я всегда замечал: французы правильно выучиваются по-русски; мой первый гувернер Сен-Тома говорил хорошо по-русски»⁷⁷. Из «Воспоминаний о России» Сен-Тома известно, что, приехав в Петербург, он «едва знал несколько слов по-русски, ровно столько, чтобы спросить необходимое»⁷⁸, но быстро освоил этот язык.

Наиболее точно, на мой взгляд, из всех биографов писателя отношение Л.Н. Толстого к Сен-Тома характеризует Павел Бирюков: о нем «у Льва Николаевича сохранилось какое-то смешанное воспоминание доброго и дурного»⁷⁹. Бирюков **отмечает, что гувернер внимательно относился к проявлению способностей своего маленького питомца.** Он, вероятно, видел в нем что-то особенное, потому что говорил о нем: «*Se petit a une tête. C'est un petit Molière!*»⁸⁰. Это подтверждается в «Клочках воспоминаний» Александра Стаховича, который пишет, что в начале своей литературной карьеры Толстой рассказывал, что «еще ребенком ему казалось, что он может сочинять. Раз ему представилось, что “Парашу Сибирячку” (повесть Полевого) написал он, и он хотел написать ее вновь». «Софья Толстая, – вспоминает Стахович, – передавала мне, что гувернер Льва Николаевича, бывший страстным поклонником Мольера, рано познакомил своего воспитанника с его комедиями, и по детским литературным опытам Льва Николаевича, говоря о нем с его теткой Пелагеей Ильиничной Юшковой (у которой воспитывались сироты Толстые), гувернер всегда называл его *notre petit Molière*»⁸¹.

Конфликт с гувернером и его отражение в творчестве

По мнению Владимира Набокова, «вопрос поисков прототипа стилизованного литературного героя только для того, чтобы еще раз

⁷⁵ *Маковицкий Д.П.* У Толстого: 1904–1910: Яснополянские записки // Литературное наследство. М., 1979. Кн. 1. С. 349.

⁷⁶ Там же. Кн. 3. С. 368.

⁷⁷ Там же. С. 389.

⁷⁸ *Thomas P.* Souvenirs de Russie. P. 48.

⁷⁹ *Бирюков П.И.* Там же. Т. 1. С. 39.

⁸⁰ Этот малыш умен. Это маленький Мольер (*фр.*) – Там же.

⁸¹ *Стахович А.А.* Ключки воспоминаний // Л.Н. Толстой. Электронная библиотека. М., 2003.

подчеркнуть различия между реальностью искусства и нереальностью истории», по сути, не имеет смысла⁸². Несмотря на это обескураживающее суждение, упускать возможность сравнить «реальность» и «вымысел», идентифицировать внешность, характер и биографию прототипа образа стоит хотя бы потому, что Сен-Тома требует серьезной реабилитации. Все биографы Толстого, а вслед за ними все без исключения исследователи дружно повторяют клише Н. Гусева и В. Шкловского о Сен-Тома как о грубом, коварном французском губернере.

Заметим, что во многих художественных произведениях и воспоминаниях губернёр – нередко отрицательный персонаж, в отличие от няни – персонажа всегда положительного. Наверное, среди губернёров, действительно, встречались малосимпатичные люди. Но трудно поверить, чтобы все они были бессердечными мучителями, как пишут о них воспитанники. Отметим в скобках, что дети Толстого с большим сочувствием относились к домашним педагогам, они понимали, что «положение их было не из легких. Они жили в чужой семье, были всегда на виду, не были свободны в своих занятиях и поступках и скучали в деревне. Отсюда – ссоры, сплетни, неудовольствия или романы. Мы шутили, что наши учителя были или на ножах с губернантами, или влюблялись в них»⁸³. Роль губернёров и учителей была неблагоприятной: ежечасно следить за воспитанниками, за соблюдением этикета, учить языкам, манерам, правилам поведения в обществе и всегда быть на виду у всего дома⁸⁴.

В 1895 г. имя Сен-Тома увековечивается в черновой редакции статьи «Стыдно»: «В нашем доме смотрели на телесное наказание как на что-то дикое, ужасное, несвойственное не только нравственным, но образованным людям. Нас, детей, никогда не секли, и я описал в своем “Детстве” тот испытанный ужас, когда губернёр француз предложил высечь меня»⁸⁵.

...Николеньку закрыли в чулане. Вскоре он «мало-помалу стал разбирать различные звуки. <...> Детские голоса, потом смех, беготня, а через несколько минут в доме все пришло в прежнее движение»⁸⁶. Как будто никто не знал и не думал о том, что он сидит в темном чулане...

Это воспоминание Толстого о пережитой в отрочестве коллизии вновь и вновь всплывает в его памяти. Так, он пишет в дневнике 31 июля 1896 г.: «Жив. Сейчас вечер 5-й час. Лежу и не могу заснуть.

⁸² Набоков В.В. Комментарии к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 551.

⁸³ Толстой С.Л. Очерки былого. М.; Тула, 1975. С. 70.

⁸⁴ См.: Русские утопии (Альманах «Канун»). СПб., 1995. Вып. 1. С. 154–178.

⁸⁵ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 31. С. 245.

⁸⁶ Там же. Указ. соч. Т. 2. С. 42–43.

<...> Слышу в окно играют в теннис, смеются. <...> Всем хорошо. А мне тоска, и не могу совладать с собой. Похоже на то чувство, когда St. Thomas запер меня. И я слышал из своей темницы, как все веселы и смеются. <...> Надо терпеть унижение и быть добрым»⁸⁷.

Первый опыт столкновения с угрозой насилия, генетически уходящий в отрочество писателя, имел плодотворные последствия. Это подтверждает и первый биограф Толстого П. Бирюков. По его мнению, «сильное и благодетельное впечатление оставило во Л Н-че его столкновение с гувернером-французом»⁸⁸. Пережитое чувство «ужаса и отвращения перед всякого рода насилием»⁸⁹ стало основой идеи непротivления и одним из сквозных мотивов его творчества. В 1905 г. Толстой опять вспомнил, уже не уточняя, почему именно – по его словам, за нечто «самое не заслуживающее наказания», – что гувернер Сен-Тома запер его «в комнате, а потом угрожал розгой». «Едва ли этот случай не был причиной того ужаса и отвращения перед всякого рода насилием», которые он «испытывал всю свою жизнь»⁹⁰. Неприятие насилия, присутствующее Толстому с детских лет, сопутствовало ему в жизни, развивалось в художественном творчестве, осмыслялось во внелитературных высказываниях: письмах, дневниках, устных репликах. В 1880-х гг. этот ключевой принцип толстовского мировоззрения получил теоретическое выражение в ряде трактатов: «В чем моя вера?», «Царство Божие внутри вас», «Закон насилия, закон любви» и др.

На основе академического текста трилогии и ранних редакций (они всегда ближе к действительности) рассмотрим, что, собственно, произошло между Николенькой Иртеньевым и его гувернером Сен-Жеромом. «Правда» собственного детства Толстого отражена в 14-й главе «Отрочества». С новым гувернером у Николеньки отношения не складываются, он сам не понимает порой своей дерзости в отношении воспитателя. Ему кажется, что обстоятельства жизни направлены против него. Сен-Жером наказывает Николеньку за мелкие провинности. Гувернантка Мими пожаловалась бабушке, что застала Николеньку перед дверью в девичью. Он получил единицу по истории, сломал ключик от портфеля «с кучей бумаг» отца. Случай с ключиком, который он по неосторожности сломал, непонятно зачем пытаясь открыть папин портфель, окончательно выводит Николеньку из душевного равновесия. Он спохватился, сказал вслух. «Что со мной будет?!»

⁸⁷ Там же. Т. 53. С. 105.

⁸⁸ Бирюков П.И. Указ. соч. Т. 2. С. 138.

⁸⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 34. С. 396.

⁹⁰ Там же.

<...> И «в несколько раздраженном и неестественном, но чрезвычайно веселом состоянии духа» вошел в зал, где принял «живейшее участие в игре «кошки-мышки», проделал «операцию с платьем гувернантки Корнаковых», подглядывал «из-за фортепьян» за Сонечкой и Сережей Ивиным. Затем ему хотелось буяннить, «сделать какую-нибудь такую молодецкую штуку, которая бы всех удивила». Случай «буяннить» не замедлил представиться». В начале главы «Затмение» Толстой дает психологическую мотивацию поведения Николеньки: «Дети от двенадцати до четырнадцати лет, то есть находящиеся в переходном возрасте отрочества, бывают склонны к поджигательству и даже убийству» и «это был для него несчастный день». Решая, что все специально ополчились против него, Николенька ведет себя непредсказуемо. «Под влиянием <...> отсутствия размышления» на слова Сен-Жерома идти наверх Николенька показал гувернеру язык и ударил его. В ответ на сочувственный вопрос брата: «Что с тобой делается?» он кричит, как все ему гадки и отвратительны. Его запирают в чулан и грозят наказать розгами. После долгого заточения, во время которого Николеньку мучает отчаянное чувство униженности, он просит у отца прощения, и с ним делаются конвульсии. Все боятся за его здоровье, но после двенадцатичасового сна он чувствует себя хорошо и легко и даже рад, что домашние переживают его непонятную болезнь!⁹¹

Николеньке не нравились не только некоторые черты характера Сен-Жерома, но он испытывал к нему почти физиологическое отвращение. В «Отрочестве» Толстой пишет о периоде ненависти, который пережил его герой: «Это была та ненависть, которая внушает вам непреодолимое отвращение к человеку, заслуживающему однако, ваше уважение, делает для вас противными его волоса, шею, походку, звук голоса, <...> все его движения»⁹². Одновременно автор признает, что «он [гувернер] был неглуп, довольно хорошо учен и добросовестно исполнял в отношении нас, но он имел общие всем его землякам и столь противоположные русскому характеру отличительные черты легкомысленного эгоизма, тщеславия, дерзости и невежественной самоуверенности»⁹³. Именно это особенно не нравилось Николеньке.

Другое дело Карл Иванович, который наказывал Николеньку «всегда хладнокровно»⁹⁴. Наказания доброго Карла Иваныча Николенька не считал унижением. Он «в минуту досады лично справлялся

⁹¹ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 38.

⁹² Там же. С. 49–50.

⁹³ Там же. С. 50.

⁹⁴ Там же. С. 51.

с нами линейкой или помочами; но я без малейшей досады вспоминаю об этом»⁹⁵. С Сен-Жеромом все было по-другому. К «гордому, самодовольному» наставнику мальчик «ничего не чувствовал, кроме того уважения, которое <...> чувствовал к большим»⁹⁶. Сразу после конфликта Николеньке было невыносимо тяжело общаться с гувернером. В свою очередь Сен-Жером перестал заниматься с Николенькой и обращать на него внимание. Вскоре неприязнь Николеньки к нему прошла.

Внутренний мир Николеньки – это непрерывное движение и изменение чувств, мыслей. «St-Jégôte доволен мною, хвалит меня, и я не только не ненавижу его, но, когда он иногда говорит, что с моими способностями, с моим умом стыдно не сделать того-то и того-то, мне кажется даже, что я люблю его»⁹⁷. Бесконечная притягательность любви и ее постоянная потребность могут изменить человека. Ненависть перерождается в любовь. Толстой обладал непревзойденным талантом изображать «диалектику души», то есть показывать, «как одни чувства и мысли развиваются из других» (Н.Г. Чернышевский).

После столкновения с Сен-Жеромом Николенька все более ощущает себя одиноким, и главным его удовольствием становятся уединенные размышления и наблюдения. Происшествие, заставившее его страдать, научило его думать, был сделан первый шаг к религиозным сомнениям. Наказание «состояло в унижении». Чувство обиды переживалось на фоне одиночества: детские голоса и смех звучали так, как будто никто не знал, что Николенька сидел в пыльном чулане. Впоследствии, противопоставление голоса, смеха темному чулану станет повторяющимся мотивом таких произведений, как «Война и мир», «Анна Каренина», и дневниковых записей.

Мотив пережитого в детстве наказания нашел отражение в «Войне и мире». В диванной Наташа Ростова напомнила брату Николаю о том, как ее наказали, когда она «еще маленькая была»: «Помнишь, раз меня за сливы наказали, – сказала Наташа, – и вы все танцовали, а я сидела в классной и рыдала, никогда не забуду: мне и грустно было и жалко было всех, и себя, и всех-всех жалко и, главное, я не виновата была»⁹⁸. В «Анне Карениной» Кити Щербацкая на немецких водах во время завтрака с родителями и гостями испытывает чувство, пережитое в детстве. Все веселило ее, «но она не могла не быть озабоченною. Она не могла разрешить задачи, которую ей невольно задал

⁹⁵ Там же. С. 50.

⁹⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. М., 2000. Т. 1 (19). С. 283.

⁹⁷ Там же. Т. 2. С. 67.

⁹⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 10. С. 277.

отец своим веселым взглядом на ее друзей (мадам Шталь и Вареньку) и на ту жизнь, которую она полюбила. <...> Всем было весело, но Кити не могла быть веселою, и это еще более мучало ее. Она испытала чувство в роде того, какое испытала в детстве, когда под наказанием была заперта в своей комнате и слушала веселый смех сестер»⁹⁹.

Отметим мимоходом, что самым серьезным наказанием детей со стороны отца – как пишет в воспоминаниях старший сын писателя Сергей Толстой – была «немильность»: «он переставал обращать внимание на провинившегося ребенка»¹⁰⁰.

Биография и биографические мотивы

Когда в 1842 г. Сен-Тома возвращался из России и при въезде во Францию получил паспорт, в нем были указаны его приметы: «двадцать девять лет, рост – метр семьдесят, волосы – русые глаза – серые, лоб – высокий, нос, рот, борода – средние, подбородок круглый», «лицо – овальное, цвет лица обычный»¹⁰¹. Тем же документом подтверждается дата его возвращения во Францию. Паспортные данные Сен-Тома совпадают с описанием Сен-Жерома в первоначальной редакции первой главы «Учитель француз»: «Он был человек лет 25, белокурый, с довольно правильными, но незамечательными чертами лица, с дырочкой (sic!) на подбородке»¹⁰². В окончательном тексте «Отрочества» портрет гувернера весьма лаконичен: «красивый молодой щеголь, старающийся стать наравне со всеми»¹⁰³, «он был хороший француз, но француз в высшей степени»¹⁰⁴. Что касается «дырочки на подбородке», то в его паспорте эта особенность лица Сен-Тома не отражена. Но на фотографии, которая до сих пор висит на стене в мэрии города Ремиремон, можно увидеть, что эта отличительная особенность на его лице действительно имелаась.

Гёте говорил, что все его произведения – только отрывки одной большой исповеди. Подобно Пушкину, владевшему даром все превращать в поэзию, Толстой все превращал в высокое искусство литературы. Например, мотив «дырочки на подбородке», многочисленные вариации которого из черновых вариантов «Отрочества» в канонический текст повести не вошли, вновь появляется в «Войне и мире»: «Николай увидел, что он через несколько мгновений догонит того неприятеля,

⁹⁹ Там же. Т. 18. С. 246.

¹⁰⁰ См.: Толстой С.Л. Очерки былого. С. 88.

¹⁰¹ ADV. 16 М. 4. Passeports. Epinal. 1842. Пагинация отсутствует.

¹⁰² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 2. С. 249.

¹⁰³ Там же. Т. 2. С. 50–51.

¹⁰⁴ Там же. С. 50.

которого он выбрал своей целью. Француз этот, вероятно офицер по своему мундиру, согнувшись, скакал на своей серой лошади, саблей подгоняя ее. Через мгновение лошадь Ростова ударила грудью в зад лошади офицера, чуть не сбила ее с ног, и в то же мгновение Ростов, сам не зная зачем, поднял саблю и ударил ею по французу. В то же мгновение, как он сделал это, все оживление Ростова вдруг исчезло. Офицер упал не столько от удара саблей, который только слегка разрезал ему руку выше локтя, сколько от толчка лошади и от страха. <...> Он, испуганно щурясь, как будто ожидая всякую секунду нового удара, сморщившись, с выражением ужаса взглянул снизу вверх на Ростова. Лицо его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами, было самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо. <...> Ростов скакал назад с другими, испытывая какое-то неприятное чувство, сжимавшее ему сердце. Что-то неясное, запутанное, чего он никак не мог объяснить себе, открылось ему взятием в плен этого офицера и тем ударом, который он нанес ему». И хотя ему была обещана награда, «все то же неприятное, неясное чувство нравственно тошнило ему», «мучило его, как раскаяние: “Да, да, этот французский офицер с дырочкой. И я хорошо помню, как рука моя остановилась, когда я поднял ее”. Ростов увидел отвозимых пленных и поскакал за ними, чтобы посмотреть своего француза с дырочкой на подбородке». Тот «притворно улыбнулся Ростову и помахал ему рукой, в виде приветствия. Ростову все так же было неловко и чего-то совестно <...> Ростов все думал об этом своем блестящем подвиге, который, к удивлению его, приобрел ему Георгиевский крест и даже сделал ему репутацию храбреца, — и никак не мог понять чего-то. “Так и они еще больше нашего боятся! — думал он. — Так только и есть всего, то, что называется геройством? И разве я это делал для отечества? И в чем он виноват с своей дырочкой и голубыми глазами? А как он испугался! Он думал, что я убью его. За что ж мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне дали Георгиевский крест. Ничего, ничего не понимаю!”»¹⁰⁵

Здесь эпизод с **«французским офицером с дырочкой на подбородке»** воспринимается как сомнение в том, что ужас, испуг в глазах француза можно назвать геройством, за которое дают Георгиевский крест, а все рассуждения Николая Ростова являются подспудным осуждением войны, как **«протivного человеческого разуму и всей человеческой природе события»**¹⁰⁶.

* * *

В Ясной Поляне всегда жили гувернеры и гувернантки, они

¹⁰⁵ Там же. Т. 11. С. 64–66.

¹⁰⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 11. С. 3.

обучали Толстого, его братьев и сестру, а впоследствии детей и внуков писателя иностранным языкам, музыке, готовили их к поступлению в учебные заведения. Их жизнь запечатлена в произведениях, письмах и дневниках Толстого и его жены, в воспоминаниях его детей и современников писателя. В художественных произведениях мы находим образы домашних воспитателей, изображенных с большой симпатией. Задумчиво и прочувствованно написаны строки из «Детства», посвященные гувернеру Карлу Ивановичу. Создал Толстой и глубокий образ образованного гувернера-француза, который одним из первых увидел одаренность шаловливого мальчика и конфликт с которым произвел на этого мальчика сильное «благодетельное впечатление».